

Моск. новости. — 1999 — 6-12 апр. — с. 24

ЮБИЛЕЙ

«Он в Риме был бы Брут...»

Заметки к 100-летию В.В. Набокова

Десять лет назад надо было бы перечислять произведения, до этого обитавшие в спецхранах, напоминая биографию (от Берлина 1920-х до смерти в Швейцарии в 1977 г.)... Сейчас, когда даже с английского переведено и издано все, включая «Аду», в этом нужды нет, можно просто поразмышлять о набоковском феномене.

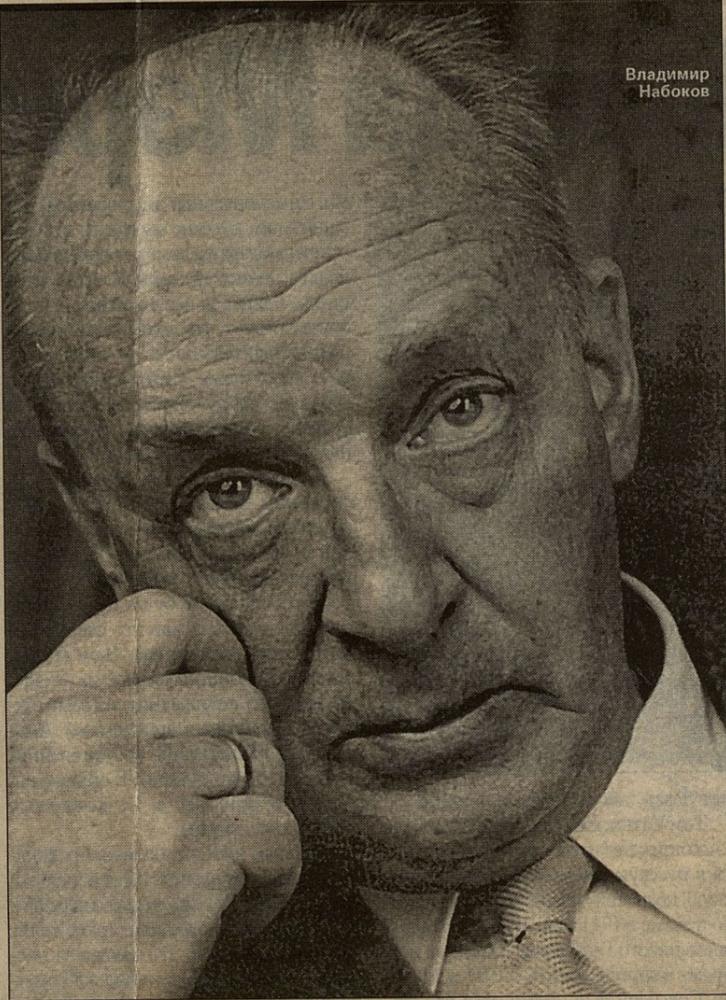
Мы все любим Набокова. Но любите ли вы его так, как люблю его я? Давно пора применить к этому джентльмену его собственный метод. Опержая обвинения, заявляю: все, что я с ним проделаю по случаю его «центурии», я проделаю с любовью. Может быть, не столько к Набокову, сколько к его энтомологическому методу анализа писателей, но какая разница?

Путаница с днем рождения Владимира Владимировича дала метастазы во все советские энциклопедии и справочники. В третьем издании «Большой советской энциклопедии» стоит 12 (24) апреля. В «Краткой литературной энциклопедии», похоже, дату по новому стилю интерпретировали как дату по старому. Только недавняя энциклопедия «Русское зарубежье» дает дату 10 апреля, не уточняя, что это старый стиль. Так и есть: родился 10 (22) апреля (дата сообщена самим Набоковым в «Других берегах»), в зятый Ленинский день, по каковой причине советские цензоры его с этого дня и передвинули. Место занято, господин!

Набоков любит литературу (в том числе и собственную) «странной любовью». В нем никогда не засыпает внутренний ехидный критик, отчего и его собственные тексты словно разъедает кислотой изнутри. Для писателя это странно, ибо писатель, как правило, человек с ослабленным самоконтролем и уровнем критицизма. Писателем не может быть и человек, столь образованный, как Набоков. Может быть, подлинным его призванием была политика? Во всяком случае, ясно, что в изгнании, в котором оказался после переворота 1917 года сын камергера и видного кадета, записываться в этот «некрополь» и становиться политиком уже не было смысла. Владимир Набоков явно ощущал, что остался не только без Родины, собственности и обстановки детства, но и без поприща. Без

возможности на практике применить то, что впитано с детства: честь, гордость, служение отечеству... Временами казалось, что уже нет смысла вообще кем-то становиться, хотелось уйти в воображаемый мир и из него исчезнуть (об этом, кстати, написана «Защита Лужина»). Набоков стал писателем. Его писательство поначалу мало выходит за рамки традиционной дворянской образованности, подразумевавшей умение изящно излагать на бумаге свои мысли, писать стихи, знать историю живописи и самому сносно рисовать, играть на фортепиано, иметь изысканные хобби (шахматы, энтомологию), быть, например, англоманом (вплоть до любви к боксу)... Со временем он сделался крупным профессионалом, «Дар» четко зафиксировал это превращение, но писатель из него получился своеобразный.

С одной стороны, Набоков — один из тех, кто определяет облик русской литературы XX века. Но это не обычный беллетрист типа Бориса Зайцева или Михаила Осоргина, даже не самозабвенный стилист вроде Алексея Ремизова или Андрея Белого. Писатель в нем соседствует с «анти-писателем». Набоков не борется с «литературщиной» за новое видение, а решает совсем другую задачу: балансирует между необходимостью писать и настроением разрушить условность собственного текста. И тогда прорывается русский дворянин, очень образованный человек (для писателя даже слишком), очень высокомерный, который не может скрыть иронию к такому занятию, как добывание средств к существованию путем писания каких-то романов (ибо «писательство» в его родовой среде прилично только как *любительство*). Отсюда готовая в любой момент появиться (и блуждающая по подтексту) ирония по отношению к литературе как виду деятельности. Отсюда ощущение тотальной «цитатности» и иронического (антибеллетристического по природе) отношения к собственному нарративу — не только в постмодернистской «Аде», но и, скажем, в «Приглашении на казнь» (а в принципе — везде). Отсюда такой личный и неоднозначный интерес к фигуре Чернышевского («Дар») — **выдавленного из политики фантазера**, по необходимости взявшегося за перо. Отсюда все

Владимир Набоков

его дурацкие рейтинги, которыми писатель «милостиво Божию» никогда бы не увлекся: Толстой, Гоголь и Чехов в первой тройке, Тургенев на четвертом месте и без приза... «Похоже на выпускной список, и разумеется, Достоевский и Салтыков-Щедрин со своими низкими оценками не получили бы у меня похвальных листов».

Несмотря на иронию, все это предельно серьезно. Вообще обнаружилось, что Набокову-писателю литературная традиция не нужна в качестве образца, точки отсчета и школы. С классиками он обращался точно так, как политический деятель со своими предшественниками: Черчилль — с Дизраэли, Ленин — с Керенским, Сталин — с Иваном Грозным, Ельцин Б.Н. — с Горбачевым М.С. Кого-то он яростно третирует, кого-то изгоняет, кто-то напоминает ему самого себя, и это трогает до слез.

Закономерно, что наверху в списке Лев Толстой, и это совпадает с оценкой Ульянова-Ленина. Ясно, что протест против фальши, лицемерия и тупой размерности жизни политик-оппозиционер чувствует сразу, для него такой протест наиболее ценен. Набоков и сам срывает все и всяческие маски. Отсюда социологизм его взгляда на литературу, завуалированный помешанностью на вкусе, стиле и хорошем письме. Социологизм этот, к слову сказать, очень глубокий, в точном смысле родовой, барский и барственный. Михаил Ардов в недавней статье «Чисто дворянское искусство» исключительно точно вскрыл **классовую** природу набоковского «Дара»: «Именно в «Даре» изящная, барская, дворянская литература сводит свои последние счеты с тяжеловесной, хамской, разночинской критикой».

Читая под этим углом зрения прозу Набокова, убеждаешься, что это дворянское высокомерие присутствует несомненно. Больше всех достается тем, у кого нет изящных манер, кто не знает языков, которые следовало усвоить в детстве от сменявших одна другую бонн, кто не умеет держать себя в обществе, с непринужденностью роняя *bon mots* и цитаты на четырех языках, успева при этом поедать жаркое тремя ножами и двумя вилками... Собрательный образ недотепы без хороших манер почему-то волновал Набокова всегда — и в процессе работы над «Даром», и когда он писал «Пнина». В последнем случае вышучивался и герой, не способный легко американизироваться (и даже — верх неужеложес-

ти! — падающий с лестницы), и Фрейд, неприятный Набокову своей невоспитанностью (делать достойным *другого* интимную жизнь!).

А набоковская изнурительная тяга к жизни совершенной! Прямое следствие высокомерия и протеста против некоей «низкой» литературы, озабоченной пропагандой и идеологическими заданиями, содержанием, а не формой. Не дай нам Бог! Ничего такого, что может заинтересовать «кухаркиных детей!» «Дворянское» — значит ненужное практически, литература — это красота, фраза — способ протеста против низости жизни. Вот образец его фирменного блюда: «...Она обегает меня все шишбе, катя свой волшебный обруч, и, наконец, растворяется в тонких тенях, падающих на парковый гравий от переплета провололочных дужек, которыми огорожены астры и газон». Неужели так можно писать всерьез? Интерес, в конце концов, делается чисто энтомологическим: «Глаза сохранили сладострастные складки на веках; ресницы — сходство со штриховой гагатовой инкрустацией...». Прежде чем так написать, надо долго «читать текст» складок и ресниц, вглядываясь в них, как в насекомых, насаженных на булавки, расправленных и навсегда обездвиженных. Статичное описание все время борется в прозе Набокова с действием и то и дело побеждает. Точнее, оно заведомо сильнее и задает тон, оно играет сюжетом, как кошка с мышью: то прижмет, то даст пошевелиться. Персонаж в любой миг готов превратиться в рисунок и слиться с неподвижным пейзажем.

Из всего сказанного стоит особо прокомментировать ненависть к Фрейду. Писатели, несмотря на заявления протеста, на самом деле любят интерпретации их текстов, им самим эта выискивание интересна. Набоков не любит интерпретации искренно. Фрейд для него — символ такого дешифрующего беспардонного проникновения внутрь замысла, к его истоку. Набокова это пугает, мало ли что обнаружится, пусть лучше его нарядную прозу воспринимают на «поверхностном» уровне, без поиска глубинного смысла. Как истинно светский человек, он закрыт, застегнут на все пуговицы, коррктен, холоден, ядовит, проза для него — все что угодно, более всего — способ **самоутверждения**, средство состричь по поводу кого бы то ни было, но только не способ **самораскрытия**. Изучая Гоголя, он превращает иссле-

дование в тотальную слежку, но по отношению к себе такого не позволяется. Даже написав «Лолиту», относился к ней «викториански» и требовал этого от критиков. В приличном обществе, если кто-то пролил на скатерть соус или сказал непристойность, все обязаны вести себя так, словно ничего критического не произошло. Став знаменитым писателем, проливая соус умышленно, чтобы совершить некий *литературный поступок*, он остался сыном камергера, сидящего в столовой за изысканным семейным обедом в их чопорном петербургском доме на Морской («В обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому...»). И в свой внутренний мир никого не хотел допускать. Он видит всех, его не должен видеть никто.

Квинтэссенцией и вместилищем всех этих взглядов и «технологий» оказывается шестой англоязычный роман Набокова «Ада» — провокация, оставленная «анналистам». Вся русская культура здесь перемешана, перемолота, отрыскана иронией, и, как из дантовского Коцита, торчат изо льда какие-то обломки, смерзшиеся в новых сочетаниях. То «Четыре сестры» Чехова вылезут, то «Евгений и Лара» («Евгений Онегин» & «Доктор Живаго»), то «Безголовый всадник» Пушкина, то смесь Мюраты, Марата и Хаджи-Мурата, то «Anna Arkadievtch Karenina», то еще какой-то монстр. Говоря по-нынешнему, чистый постмодернизм, «поэма конца» (во всех смыслах этого многозначного слова), к тому же снабженная собственным комментарием, который тоже нуждается в комментировании. Но в подоплеке этого изделия своя суровая идеология: Набоков объявляет «Адой», что русская дворянская культура исчезнет вместе с людьми его сословия, чужие ее не только не присвоят, но просто не смогут понять. Вряд ли он всерьез верит в это, но ему хотелось бы, чтоб так и случилось, чтоб эта культура не досталась чужим. Дворянский максимализм тут так и шибает в нос.

А вершина его **писательского** творчества, лучший его роман — это комментарий к «Евгению Онегину», только что изданный (в переводе с английского) в Санкт-Петербурге к двойному юбилею Набокова/Пушкина. В этом романе Набокову ничего не надо было маскировать: ни свое «анти-писательство» с тягой к «разборке» текста, а не его созданию, ни тотальную иронию, излучаемую в сторону всего литературного, по отношению даже к Пушкину, не говоря уже о современниках вроде Петра Вяземского, ни уникальное ощущение описанной Пушкиным жизни как **своей**, как жизни **своего класса**, которое и дает ему, последнему из могокан, право на комментирование. Про дуэль он знает потому, что его отец вызывал Алексея Суворина, да и сам Владимир тоже дрался; про няню — потому, что и у него была подобная... Бесчисленные галлицизмы у Пушкина ему видны оттого, что и его, Владимира Набокова, учащегося в Тенишевском училища, обвиняли в «надменном шегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения только потому, что я ваял первое, что приходило на язык)...». Так ведь и Пушкин так же: *ваял* первое, что приходило на язык! Система образования была общей, отсюда и сходство результатов — как бы доказывает Набоков, создавая под видом комментария «дворянский текст русской культуры».

Думаю: как бы завершился такое сочинение Сам? Может быть, начал бы — для гурманов — углубляться в концепцию Времени, изложенную в части 4 «Ады», где выясняется некая его, Времени, «первичная форма», у которой прошлое и настоящее не допускают отчетливой дифференциации... Но потом оборвал бы себя на полуслове: а! вам это ненужно, на хозяйственные нужды газетный лист уйдет и без философского компендиума.

Михаил ЗОЛОТОНОВ

Кто правит в Москве

31 марта свет увидел второй выпуск справочника «Maximov's Companion to Who Governs Moscow» Кто правит в Москве — очередное издание в серии Максимова. Серия «Компаний Максимова» — это русско-английские контактные справочники по самым различным сферам российской политики и экономики («Кто правит в России», «Кто правит в Москве», «Кто правит в Санкт-Петербурге», «Телевидение в России» и «Телекоммуникации в России»).

В новом справочнике собрана подробная контактная информация о персоналиях и структуре управления столицей. Несмотря на высокую цену, тираж первого выпуска (весна 1997г.) разошелся полностью, и сегодня эта книга стала библиографической редкостью. В обращении к читателям первой московской книги мэры выразили надежду на то, что справочник «не исчерпается одним выпуском, а будет расти и обновляться вместе с нашей нестареющей столицей». Действительно, второе издание справочника «Кто правит в Москве» стало и больше, и лучше. На 672 страницах пухлого, но очень аккуратного томика карманного формата читатель найдет адреса, телефоны, факсы, электронную почту свыше 8000 руководителей Москвы — всех тех, кто управляет жизнью огромного мегаполиса.

Помимо кардинально обновленной и дополненной информации по мэрии, Правительству Москвы, Городской Думе, префектурам и упра-

вам столицы, а также администрации областей, в переиздании появились принципиально новые разделы. Во-первых, это подробные контактные детали о руководителях и ведущих менеджерах 250 городских предприятий и организаций, отвечающих за жизнеобеспечение столицы. Во-вторых, в издании появился отдельный раздел «Политические партии», в котором собрана контактная информация по руководству и аппарату всех 141 политических партий, которым разрешено принять участие в предстоящих парламентских выборах. На сегодня это, пожалуй, единственный исчерпывающий и достоверный источник политической контактной информации, потребность в которой будет нарастать с каждым днем.

Есть еще одно обстоятельство, которое делает новый выпуск чрезвычайно актуальным. С возникновением общественно-политического движения «Открытие» во главе с московским мэром значение информации о столичных властях резко возрастает. Кто знает, может быть, по персоналиям справочника «Кто правит в Москве» можно будет судить о том, как будет выглядеть следующее российское правительство.

«ИЗДАНИЯ МАКСИМОВА»

Тел.: 925-56-96, 924-12-33, 937-63-02.

Факс: 925-85-23

e-mail: maximov@glas.apc.org

